

Российская академия наук
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова

**Материалы к заседаниям Летней школы
«Источник в работе историка науки»
4 – 5 июня 2001 г.**

Москва, 2001

Составитель: О.А. Валькова

*«Выясните сначала факты,
а потом можете извращать
их по своему усмотрению.»
(Марк Твен)*

М.В. Мокрова
аспирант ИИЕТ РАН

«Устная история» и источниковедение истории науки

Известно, что на Западе, в частности в США, проводилась и проводится большая работа в области устной истории науки. Еще в 1948 г. профессор Колумбийского университета Allan Nevins организовал Проект устной истории, посвященный пионерам сейсмологических и морских геофизических исследований. В настоящее время в Америке к этому способу получения информации по истории науки обращаются как научные организации, так и некоторые промышленные предприятия: Американское метеорологическое общество, Радиационная лаборатория Массачусетского технологического института, химическая фирма «Merck & Company». Выпускаются специализированные периодические издания («Oral History The journal of the Oral History society» и др.) и отдельные работы, основанные на материалах устной истории науки (Benison, Saul «Tom Rivers: Reflections on a Life in Medicine and Science. An Oral History Memoir»)¹.

Что касается отечественной историографии, то необходимо отметить, что устная история науки в ней практически не отражена. Как исключение, можно назвать всего несколько работ, отражающих западный опыт. Это статья Д.С. Данина², где автор изложил историю крупного западного проекта 1961 года – «Архив истории квантовой физики», и публикация И.С. Дровеникова³, в которой был кратко описан процесс развития «устной истории» физики в США.

Для того, чтобы разобраться в ситуации, сложившейся у нас, представляется целесообразным провести анализ отечественной историографии устной истории в целом, за весь период развития этого способа получения информации. При этом мы обращаем особое внимание на упоминание в этих работах теории и практики использования источников «устной истории» в исследованиях по истории

науки. Также мы выделили работы методологического характера, которые интересны для специалистов, работающих в разных направлениях устной истории.

В нашей стране практика устной истории не всегда была связана с использованием звукозаписи. Первые магнитофоны в СССР были студийными и использовались с 1946 г. в радиовещании. С 1948 г. на ряде предприятий началось изготовление и бытовых магнитофонов, но в силу своих размеров они были еще неприменимы для портативного использования. В интервью вне радиостудии беседа фиксировалась стенографическим способом. Использование звукозаписи для фиксирования информации привело к появлению нового специфического источника – фонодокумента.

Первые работы о роли фонодокументов в исторических исследованиях появляются в нашей стране только в начале 1960-х гг. В этот период работники центральных государственных архивов кинофотофонодокументов СССР и БССР делают совместную попытку привлечь внимание историков к этому специфическому виду документов⁴. С этой целью они опубликовали несколько статей, в которых рассматривалась специфика сбора и хранения фонодокументов и обращалось внимание на то, что в источниковедческой литературе и в учебном курсе по источниковедению в Московском государственном историко-архивном институте о кинофонодокументах даже не упоминается.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. у исследователей начинает пробуждаться интерес к устной истории. В опубликованных тезисах докладов научных конференций, конгрессов и семинаров появляются материалы, где основной обсуждаемой темой становится опыт устной истории в западных странах и ценность исторического интервью как источника.

В 80-е гг. заметно усиление внимания к кинофонодокументам как специфическим историческим источникам. И, как следствие, возникает необходимость выработать принципы работы с ними. Появляются труды теоретического характера, в которых обозначается ряд проблем устной истории: текстология фонодокумента, его авторство, проблемы классификации источников по устной истории и различия между устной речью и записанным словом⁵. К этой проблеме начинают обращаться специалисты из разных областей науки: источниковеды, философы, лингвисты.

В 90-х гг. количество публикаций, освещающих актуальные проблемы источниковедения устной истории, возрастает. Обсуждается понятие и термин «устная история»; высказываются мнения об особенностях источников, возникших в процессе звукозаписи: их субъективности, эмоциональности, зависимости записанных воспоминаний от политических факторов и возраста рассказчика⁶.

Значение и роль источников, создаваемых в процессе работы по звуко- и видеозаписи (устная история) в исторических и историко-научных исследованиях, до конца не ясны, и эти вопросы по-прежнему являются предметом споров и размышлений. Неразрешенным остается еще целый ряд проблем: искажение смысла текста, возникающее при внесении респондентом правок в расшифрованное интервью; особенности радиointервью с деятелями науки, как особого жанра и его использования; вопрос о профессиональных качествах человека, проводящего историко-научное интервью. До сих пор не проведена эвристическая работа и неизвестно где, сколько, какого качества и содержания хранится фонозаписей по истории отечественной науки.

В рамках исследования на первом этапе нами проводится изучение историографии и выявление источников по устной истории отечественной науки, хранящихся в московских архивах, как общегосударственного, так и муниципального подчинения. По предварительным результатам выяснилось, что фонозаписями по истории науки располагают Российский государственный архив фонодокументов, Центральный московский архив документов на специальных носителях, Российский государственный архив научно-технической документации, возможно, Российский государственный архив новейшей истории и др. Следует также помнить, что отдельными организациями и исследователями проводились и проводятся собственные проекты по записи интервью с деятелями науки.

Литература

- ¹ Досл Р. «Устная история» в историографии современной науки: опыт и проблемы // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 4. С. 60–88.
- ² Данин Д.С. Архив незабываемого времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 2. С. 127–133.
- ³ Дровеников И.С. Скрытые параметры физики и ее устная история // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1996. М., 1997. С. 145–149.

⁴ Кинофотофонодокументы – ценный исторический источник // Вопросы архивоведения. 1962. № 2. С. 54–64; Кривошеина Л.Н., Фесуненко И.С. Об использовании кинофотофонодокументов // Вопросы архивоведения. 1963. № 1. С. 25–35.

⁵ Розанова Л.Н. К понятию авторства фонодокумента // Советские архивы. 1983. № 5. С. 17–21; Курносос Н.Д. Некоторые вопросы текстологии фонодокументов // Советские архивы. 1987. № 4. С. 65–71.

⁶ Павленко М.А., Якимова Е.В. О некоторых проблемах устной истории // Проблемы устной истории в СССР (тезисы научной конференции) 28–29 ноября 1989 г. в г. Кирове. Киров. 1990. С. 32–36.

Л.Л. Лекай
аспирант ИИЕТ РАН

Географические представления коренных жителей северного побережья Тихого океана и их использование в формировании источников по истории изучения региона

Использование устной информации о местоположении, географических особенностях и населении новых неописанных территорий было широко распространено. Сбор этих сведений обычно предшествовал практическому опыту. С начала планомерного освоения русскими Дальнего Востока повсеместно применялось привлечение географических представлений коренных жителей.

Их соби́рание и использование носило не только массовый, но и организованный характер. Первые описания составлялись по единым государственным инструкциям, имевшим четкое указание относительно обязательной записи географических, этнографических, климатических и других подобных сведений, исходящих от аборигенов. Важность их фиксации со годами не только не ослабевала, но наоборот усиливалась, что нашло отражение в исторических источниках того времени. Инструкции и анкеты, по которым требовалось описывать новые районы, регулярно направлялись путешественникам.

Первые сведения о существовании большой земли восточнее Чукотского полуострова Дежнев получил из рассказов чукчей. Ссылки на получение информации от местных жителей имеются также и в «сказках» Владимира Атласова. Из-за того, что у народностей тихоокеанского побережья письменность была еще

неразвита, до нас дошли только те сведения, которые нашли отражение в русских и иностранных (большой частью американских) документах.

Развитие знаний об окружающей географической среде для народностей Северо-востока определялось жизненной необходимостью. Обеспечение пищей и сама жизнь аборигенов напрямую зависели от их способности ориентироваться, от знания местности и умения прогнозировать погоду. Охота, рыболовство, оленеводство подразумевали перемещения на большие расстояния по сильно пересеченной горной местности и в водах Тихого океана. Поэтому уровень этих знаний был достаточно высок.

Обычно аборигены, при условии установления контакта, охотно делились своими знаниями. Благодаря этому мореплаватели имели информацию, которая впоследствии обычно подтверждалась на практике и затем наносилась на карты. Некоторые сведения, не получившие возможности быть проверенными, также были нанесены на карты, но только с оговоркой («сказывают»), или пунктиром.

Космографические представления у разных народностей были на различном уровне, но интересен тот факт, что жители острова Кадык знали, что Земля имеет круглую форму (это зафиксировал иеромонах Гедсон).

Косвенным признанием высокой географической осведомленности аборигенов северного побережья Тихого океана русскими могут служить следующие моменты: 1) планомерность при привлечении и систематичность в записи географических сведений, полученных от аборигенов; 2) использование преимущественно местной топонимики при описании осваиваемых земель.

Сведения, относящиеся к географическим и навигационным знаниям аборигенов, были занесены в отчеты, отписки, доклады, картографические и другие документы, образовавшие впоследствии комплекс исторических источников по этому региону.

А.В. Лабузнов
научный сотрудник ИИЕТ РАН

Античные компиляции

После возникновения еще в классической Греции первых философских, а затем и собственно научных школ появился новый жанр литературы – учебные пособия. Эти пособия, имевшие своей аудиторией как правило слабо подготовленного читателя, редко предлагали последние результаты исследований, ограничиваясь изложением основного материала, необходимого для дальнейшего понимания данного предмета.

Все эти пособия распадаются на два типа научной литературы – обработки и компиляции. Обработка представляет собой переработанное оригинальное произведение; её назначение первоначально – популяризация сведений, изложенных в оригинальном труде, путём придания ему литературной формы (собственно говоря, в классической Греции большинство научных трудов и писалось в такой форме – в качестве примера можно привести Эмпедокла и Гераклита).

Компиляции представляли собой отдельный, очень популярный в античности жанр литературы; разновидностью компиляций, получившей статус отдельного жанра, были энциклопедии (из наиболее известных энциклопедистов того времени можно упомянуть Катона Старшего, Плиния Старшего, Цельса).

Широкое распространение компиляции получили по причине постоянной необходимости в популярной литературе, в том числе для образовательного процесса. Немалую роль в этом сыграл также и высокий социальный статус, занимаемый в античном обществе автором популярного сочинения.

Классическая структура компиляции – пышное введение, пространные лирические отступления, классификация излагаемого материала только по самым общим темам: в три каждого раздела, как правило, царит хаос.

Ценность античных компиляций в настоящее время заключается, в первую очередь, в том, что они зачастую являются единственными доступными свидетельствами о том или ином результате, полученным тем или иным учёным.

Таким образом, наличие или отсутствие информации о том или ином разделе науки обычно напрямую зависит от наличия и полноты

соответствующих компиляций. Однако основной трудностью для оценки истинного уровня, достигнутого античными учёными в той или иной области естествознания, является отсутствие каких-либо мало-мальски надёжных методов, позволяющих по учебным пособиям реконструировать оригинальные работы.

Одним из немногих способов научиться проводить подобные реконструкции является тщательный, скрупулёзный сравнительный анализ компиляций и оригинальных работ в тех областях, где оба эти жанра научной литературы представлены достаточно широко.

Другим путём является сравнительный анализ компиляций как в одной области естествознания, так и в смежных областях. Подобный анализ позволит выделить те характерные особенности античного склада мышления, которые определяли включение или не включение тех или иных идей и связанных с ними результатов в научно-популярные работы. Хорошим примером такого пренебрежения выдающимися результатами можно назвать практически полное неприятие и замалчивание античными авторами гелиоцентрической системы Аристарха Самосского.

Таким образом, хотя большинство оригинальных работ античных учёных не сохранилось, у нас есть возможность хотя бы обозначить те рубежи знания, к которым вышла древнегреческая наука.

О.А. Валькова

научный сотрудник ИИЕТ РАН

«Предуведомления» в научно-популярных журналах II половины XVIII века как исторический источник

Научно-популярные журналы появились в России во второй половине XVIII века. Первый из них – журнал, издававшийся Г.Ф. Миллером, – «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», выходил в свет в С.-Петербурге с 1755 по 1764 год. Создание Г.Ф. Миллера оказалось таким удачным, что вызвало целую волну последователей. Начиная с середины XVIII века в России постоянно учреждаются, исчезают и вновь возрождаются научно-популярные периодические издания. Н.М. Лисовский, крупнейший специалист по

истории российской периодической печати, отмечал, что всего в течение XVIII века в стране существовало 43 печатных периодических издания «по разным наукам и предметам» и 76 «собственно политических, общественных и литературных». (1) Авторы и издатели называли их «учено-литературными» журналами.

«Ежемесячные сочинения», положившие начало существованию целой отрасли периодической печати, на протяжении всего XVIII века служили образцом для подражания. В свою очередь сама идея создания подобного журнала, так же как и его форма, была заимствована Г.Ф. Миллером у западноевропейских коллег. Вслед за создателями «Journal des Savans» и «Philosophical Transactions» Г.Ф. Миллер предпослал первому номеру своего журнала «Предуведомление». С этого времени такие предисловия стали неотъемлемой частью первого номера каждого вновь создаваемого издания.

Их названия были различны. Наиболее часто встречаются «Предуведомление» или «Предисловие». (2) Но не менее часто какое-либо авторское название отсутствует, так же как и имя самого автора. Тем не менее в большинстве случаев авторство удается установить. Чаще всего оно принадлежит издателю журнала или его редактору.

«Предуведомления» представляли собой своеобразный манифест о намерениях. У них не было четкой структуры, которой бы они неуклонно следовали. Однако каждое из таких предисловий содержало некий набор сведений, сохранявшийся без значительных изменений в течение всего исследуемого периода.

Прежде всего в «Предуведомлениях» XVIII века обосновывалась необходимость создания нового журнала и подробно описывалась польза, которую читатель сможет извлечь из него. В более ранних журналах, принадлежащих к 60-м – 70-м гг. XVIII века, со ссылкой на опыт Западной Европы утверждалась полезность научно-популярных периодических журналов как таковых.

Далее, каждое предисловие содержало предполагаемую программу журнала (перечень и характер материалов, которые планировалось в нем публиковать), авторов, которые собирались сотрудничать (или были допущены к сотрудничеству в журнале), в некоторых случаях – условия размещения полемических и дискуссионных статей, этические принципы взаимоотношений авторов, издателей, редакторов.

Третий блок информации обычно нес сведения технического характера, такие как периодичность выхода издания, способы и места его распространения, стоимость и т. п. Достаточно часто планы издателей по тем или иным причинам не удавалось претворить в жизнь: возникали непредвиденные проблемы как экономические, так и связанные с издательской практикой. Сравнительный анализ комплекса подобных источников выявляет ценную информацию по целому ряду вопросов, связанных с историей развития научно-популярной прессы в России, распространением просвещения и развитием системы коммуникаций в стране. Так, исследование обоснований издания журналов позволяет изучить процесс внедрения нового понятия в российское общество и характер представления читающей публики о данном предмете. Предлагавшиеся программы изданий содержат часто уникальные данные о намерениях издателей, больше нигде не зафиксированных; важность сведений о времени, месте, стоимости научных журналов не нуждается в оправдании.

Литература

1. Лисовский Н.М. Печатное дело // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 414.
2. См. например: «Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1786. Часть 1. С. 1-2; Рейхель И. Г. Предисловие // Собрание Лучших Сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или Смешанная Библиотека о разных Физических, Экономических, також до Мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М., 1762. Ч. 1. [С. 1-2]; Новиков Н. И. Предисловие // Санктпетербургские Ученые Ведомости. СПб., 1777. Ч. 1. [С. 1-4] и др.

А.Н. Дмитриев

научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

О некоторых специфических источниках по политической истории науки XX в.

Изменение условий и характера существования науки в XX столетии делает невозможным ее исследование без учета роли социальных факторов и политического самоопределения самих ученых. Сама процедура безусловного отделения «настоящей» истории науки (автоном-

ного развития идей и открытий) от «внешнего» социального контекста их рождения и восприятия становится нерелевантной в отношении таких масштабных научных начинаний, как советский и американский атомный проекты, или для реконструкции биографий Рассела, Эйнштейна, Иоффе, Сахарова и др. Для изучения деятельности ученых первой половины минувшего века, определения их общественных взглядов и политических позиций используются разнообразные источники, включая их труды социально-политической тематики, переписка, мемуарные свидетельства, а также газетные сообщения и биографические интервью и т.д. Далее мы остановимся на двух специфических видах таких источников – коллективных меморандумах периода Первой мировой войны и свидетельских показаниях советских ученых, привлекавшихся в качестве обвиняемых на процессах 1920-1930-х гг. Насколько правомерно использовать высказывания ученых, делаемые в вышеназванных контекстах, в качестве адекватного выражения их позиции?

Опубликованное 4 октября 1914 г. воззвание 93-х виднейших деятелей немецкой науки и культуры, снимающее с Германии ответственность за начало войны, зачастую оценивается в исследовательской литературе (достаточно справедливо) как свидетельство зараженности духом милитаризма и национального превосходства. Однако насколько возможно переключение подобных коллективных характеристик на индивидуальные случаи отдельных ученых? Подписавший этот шовинистический манифест астроном Вильгельм Ферстер уже в начале октября 1914 г. подписал вместе с Эйнштейном и медиком Георгом-Фридрихом Николаи противоположное по сути обращение к европейцам с призывом к духу добрососедства вместо продолжения взаимоуничтожения. Споры вокруг обращения 93-х, особенно обострившиеся уже после окончания войны, в 1918-1920 гг., позволили выяснить, что ряд авторов (в частности известный экономист Л.Брентано) подписали это воззвание, даже не ознакомившись с его полным текстом. С другой стороны, коллективные заявления ученых стали одним из инструментов мобилизации общественного мнения на борьбу как с иностранными противниками, так и с внутренними врагами (например, противоположные меморандумы лета 1915 г. в связи с вопросом об аннексиях на Востоке). Для некоторых ученых позиция осени 1914 г. была результатом временного вооду-

шевления образом героического единства нации (как для историка Карла Лампрехта, сторонника активной внешней культурной политики, близкого к пацифистским кругам), для других – звеном в ряду последовательной борьбы за осуществление великодержавных амбиций Германии и науки как одного из выражений ее мощи (как для оппонента Лампрехта – историка Георга фон Белова). Таким образом, обращение к коллективным заявлениям как источнику для выявления политической позиции ученых особенно эффективно, когда рассматривается целая серия подобных документов и лишь в совокупности они могут быть полезны для реконструкции взглядов определенного течения или социальной группы (см. например, анализ позиции «Веймарского круга» либерально ориентированных ученых 1920-х гг. у Х.Деринга или гейдельбергских профессоров первой трети XX в. у К.Янсена).

Другой «индивидуальный» источник, ставший достоянием историков науки в минувшее десятилетие – следственные дела и показания ученых, арестованных по политическим обвинениям. Предметом острого спора уже стал вопрос, насколько возможно использовать эти материалы для выводов о позиции того или иного ученого (как это делает В.С.Брачев, говоря о прогерманской ориентации или политических взглядах С.Ф.Платонова, арестованного по т.н. «академическому делу») без учета специфики появления и целей подобных документов, невзирая на «принудительное соавторство» (Б.В.Ананьич, В.М.Панях) карательных органов. Далекое не всегда в материалах следственных дел исследователи имеют дело с заведомо вымышленными происшествиями или самооговорами под давлением допрашивающих; нередко они сталкиваются также с преувеличенными отражениями действительно имевших место событий или искаженными интерпретациями реальных настроений их участников (см. версию Ф.Ф. Перченка о возможности существования т.н. «таганцевского заговора» летом 1921 г. в Петрограде или сведения Ю.Н. Ранюка о наличии антисталинской листовки в деле физиков Харьковского УФТИ в деле 1938 г.). Для историка науки при обращении к этим документам особенно важно учитывать то, какими мотивами, указаниями и представлениями руководствовались представители власти и спецслужб в оценках того или иного ученого, группы и направления.

В первом и во втором случае анализируемые нами источники (коллективные меморандумы, материалы следственных дел) могут привлекаться для анализа политической истории науки с известной осторожностью, скорее всего не в качестве ключевых и только в комплексе с документами другого рода, непременно с учетом условий и специфики их возникновения.

Д.А. Шibaев

студент РРГУ,

стажер-исследователь ИИЕТ РАН

Значение архивных источников в изучении истории центральных партийных органов СССР по управлению фундаментальной наукой

Общеизвестно и не требует доказательств тот факт, что без источников истории бы просто не было. При этом совершенно неважно, на каком носителе эти источники и какого они вида. По сути историческим источником является все, когда-либо созданное или измененное человеком в нашем мире, но это отдельная тема для дискуссии. Мы, следуя заявленной теме, обратимся к архивным источникам. Любой исследователь будь-то историк науки, гражданский историк или даже естествовед или техник, заинтересовавшись историей развития какого-либо вопроса, относящегося к нашему прошлому, неизбежно придет в архив, так как именно там он сможет найти необходимую ему оригинальную информацию – источник, свидетельствующий о том или ином событии, если, конечно, такие источники существуют и они доступны исследователям.

Значение архивных источников в изучении истории структурных подразделений ЦК ВКП(б) в период с 1942 по 1953 гг. не просто велико. Не будь этих источников, не было бы и такой темы, так как разговаривать бы было просто не о чем.

Как такового архивного фонда Отдела науки до 1951 г. нет. Отдел науки, как самостоятельное подразделение ЦК ВКП(б), был создан лишь 30 декабря 1950 г. и носил название Отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). До этого он являлся структурным

подразделением сначала Управления пропаганды и агитации ЦК (отдел науки, 1942 – 1948 гг.) и потом Отдела пропаганды и агитации ЦК (сектор науки, 1948 – 1950 гг.). Да и в качестве самостоятельной структуры Отдел существовал недолго, так как уже в 1952 г. он был разделен на три отдела по наукам (отдел естественных и технических наук и ВУЗов, отдел философских и правовых наук и ВУЗов, отдел экономических и исторических наук и ВУЗов). В 1953 г. эти три отдела были опять реорганизованы в один самостоятельный Отдел науки и культуры ЦК КПСС.

Архивные документы-источники, находящиеся в фонде Отдела, представляют значительный интерес для историков науки. Документы Отдела науки включают в себя как источники, созданные в результате деятельности Отдела, так и материалы, поступавшие в Отдел извне – других партийных организаций (отделов и управления ЦК ВКП(б), местных организаций ВКП(б) правительственных структур (СНК – СМ СССР, комитетов при СНК – СМ СССР), научных организаций (АН СССР, ВУЗы, отраслевые НИИ и т.п.), ученых, советских граждан. Все эти архивные документы, вкуче с документами, авторами которых являлись сотрудники Отдела науки, показывают круг обязанностей Отдела, область его ответственности и компетенции. Обладая достаточным воображением, изучая эти источники, можно погрузиться в атмосферу, которая царила в этой структуре, почувствовать ход мысли людей, которые готовили решения, зачастую оказывающие решающее влияние на развитие науки и судьбы научных направлений и многих известных ученых нашей страны. Без источников все это было бы недоступно. Недоступно было бы не только погружение в ту эпоху, недоступно было бы понимание многих событий в научной жизни страны, причиной которых являлись те или иные решения, подготовленные в Отделе науки.

Положение с изучением истории Отдела науки можно спроецировать на любое другое до настоящего времени подробно неизученное исследователями структурное подразделение ЦК. К сожалению, надо отметить, что на сегодняшний день многие материалы по центральным партийным органам недоступны. Некоторые до сих пор не рассекречено, а часть из того, что было рассекречено в начале 1990ых гг., вновь засекречивается.

Для того чтобы понять, почему многие события в СССР получали то или иное развитие, необходимо знать историю тех органов, которые руководили страной. Только работа с архивными источни-

ками может дать более или менее полную картину того, как партия руководила страной. Без источников нет истории.

Н.В. Большакова

студентка отделения культурологии
Института универсального
знания «Тетрада»

Личный архив И.И. Ардабьевского

Инженер-технолог Илья Ильич Ардабьевский родился в Москве в 1921 году, в семье инженера и изобретателя. В 1939 году поступил в Московский Институт Тонкой Химической Технологии, откуда был призван в РККА и ушел на фронт. Во время Великой Отечественной войны Илья Ильич служил в разведке, в мирное время вернулся к учебе. Химик по образованию, он был человеком разносторонним и очень интересным. Помимо работы в области химических исследований, Илья Ильич занимался физикой, электротехникой, изобретал и конструировал приборы. Он постоянно совершенствовал свои познания в различных областях науки, занимаясь самообразованием. Илья Ильич обладал многими прекрасными качествами, которые можно выразить в одном слове – Человечность.

Архив семьи Ардабьевских попал к нам в 1995 году случайно после смерти И.И. Ардабьевского. Это семейный архив, включающий в себя множество разнообразных документов: дневники, тетради с рабочими записями, личные письма, почтовые открытки, фотографии, чертежи, деловая переписка, патентные свидетельства, счета, справки, удостоверения, медицинские документы. Помимо этого была обнаружена специальная медицинская литература, календари, многотиражные заводские журналы, учебники, словари. Многие документы относятся к началу двадцатого века, встречаются и более ранние.

Нам показалась интересной возможность рассмотреть и изучить бумаги, систематизировать архив. Даже при беглом просмотре документов выяснялись любопытные факты, связанные не только с фамилией Ардабьевских.

Судьба каждого члена семьи сложна и уникальна, как, впрочем, судьба любого человека. Но среди Ардабьевских были действитель-

но яркие личности. В архиве обнаружены документы матери фондо-образователя А.Я.Ардабьевской, его отца И.И.Ардабьевского. Их исследование дало возможность реконструировать часть истории семьи Ардабьевских: устанавить ее состав, место жительства, профессии и места работы матери и отца Ильи Ильича. История такой семьи дает представление о жизни достаточно большого слоя научно-технической интеллигенции в 20-е – 70-е гг. XX в.

Сохранились также рабочие записи И.И.Ардабьевского, позволяющие проследить этапы работы изобретателя от отрывочных набросков до готовых чертежей и историю последующего использования его творений.

Комплексный анализ материалов архива позволил увидеть некоторые личные черты людей, особенности их характеров, что создало более полную, завершенную картину жизни семьи.

О.С. Романова
аспирант ИИЕТ РАН

Личный архив Э.Э.Анерта как источник по истории науки

Эдуард Эдуардович Анерт (1865-1946) видный ученый-геолог, горный инженер, один из первых исследователей геологии и месторождений полезных ископаемых Северной Маньчжурии и некоторых частей Русского Дальнего Востока, по политическим причинам живший и работавший долгое время в эмиграции.

Личный архив Э.Э.Анерта обнаружил сотрудник ИИЕТ РАН В.А.Волков. Интересна судьба архива: в Российский государственный архив экономики он поступил из Архива Министерства геологии СССР в 1987 г., а до этого с 1958 г. хранился в Архиве внешней политики МИД СССР.

Нужно сказать, что архив довольно обширен и, по нашему мнению, представляет определенную ценность для истории науки. В нем содержатся как биографические документы, так и документы творческой, научной и служебной деятельности Э.Э.Анерта, а также его переписка с русскими и иностранными коллегами. Среди советских коллег, с которыми Анерт поддерживал контакт, необходимо отметить А.В.Обручева, А.Н.Криштофовича и др.

Всесторонний анализ документов личного архива ученого позволяет представить реалистичную картину его жизни и научного творчества, его взгляды, мысли, переживания. До настоящего времени в нашей литературе нет никаких сведений о его личности, хотя сам он незадолго до смерти написал свои воспоминания о годах детства, юности и жизни в зрелом возрасте - «Мои Маньчжурские и Дальневосточные переживания и впечатления (в пути и в жизни в 1895-1901-1920-1942 годах)» по заказу японского журнала «Кай-зо».

Как нам представляется, Э.Э.Анерт как ученый заслуживает внимания со стороны историков науки и было бы справедливо оценить его вклад в изучении территории нашей страны.

С.В. Костина

стажер-исследователь ИИЕТ РАН

Из опыта архивного поиска для археографического издания (на примере рукописи 1942 г. «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны»)

В нынешнем году исполняется 60 лет Великой битве под Москвой. В связи с этим нами готовится к изданию рукопись «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны» [1]. Труд был создан коллективом авторов, состоявших при штабе МЗО, и являлся результатом работы Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы, образованной в декабре 1941 г. при МК и МГК ВКП(б). Председателем Комиссии был назначен начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александров Г.Ф.

23 февраля 1942 г. завершенная работа (1-й экземпляр) была направлена для просмотра и окончательной редакции начальнику штаба МЗО генерал-майору Кудряшову А.И. Второй экземпляр рукописи оказался у Александрова Г.Ф. и затем был отправлен им в Секретный архив ЦК ВКП(б). В результате эта работа не была опубликована, так как, по мнению Александрова, события под Москвой описывались в ней в отрыве от войны в целом. И уже в августе 1942 г. при АН СССР создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, которая занималась сбором и публикацией материалов о войне. С тех пор о рукописи забыли. Отдельные моменты из этой инте-

ресной работы всплывают только в 1966 и затем в 1978 гг. при публикации сборников документов [2].

В 2000 г. сотрудник Отдела «Научно-информационный центр «Архив науки и техники»», работая по проекту ИИЕТ в Российском государственном архиве социально-политической истории, случайно в одном из фондов архива обнаружил рукопись «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны», и мы, посчитав ее весьма любопытной с исторической точки зрения, взялись обеспечить ее археографическое издание.

Подготовка рукописи к публикации столкнулась с целым рядом проблем, часто встречающихся при работе с историческими источниками, и в частности, с документами Великой Отечественной войны. Это касается как выявления круга архивных материалов, относящихся к теме, так и решения археографических задач.

В ходе этой источниковедческой и археографической работы нам пришлось решать следующие вопросы:

Определять те архивы* и архивные фонды, которые хранят основные материалы, уточняющие и дополняющие как содержание рукописи, так и историю ее происхождения;

Решать проблемы поиска информации об авторах рукописи для реконструкции их биографий;

Производить сопоставительный анализ информации, содержащейся в рукописи, с подлинными боевыми приказами и распоряжениями, оперативными сводками и другими документами.

Специфика этого труда и его дальнейшей судьбы сказались на том, что части рукописи оказались рассредоточены по архивам – РГАСПИ и Центральному архиву Министерства обороны РФ. Возникли также чисто текстологические проблемы, поскольку в результате наших архивных поисков было установлено, что имеется несколько редакций этой рукописи. Это трансформировалось в такую задачу археографии, как определение основного текста издания.

Такая источниковедческая и архивоведческая работа предполагает знание особенностей документообразования фронтовых материалов, условий, в которых происходило возникновение, собирание и хранение таких документов, а также знание особенностей современного архивного хранения и научно-технической обработки архивных материалов периода ВОВ.

Литература

1. РГАСПИ. Ф. 17. Д. 204 – 205; ЦАМО. Ф. 450. Д. 87.

2. Москва – фронту. М., 1966.; Ополчение на защите Москвы. М., 1978.

* Документы периода ВОВ хранятся, в основном, в Центральном архиве Министерства обороны г. Подольска (кроме документов ВМФ, которые находятся в Центральном Военно-морском архиве г. Гатчины и его филиале в г. Москве; документы по учету раненых, больных, госпиталей и медсанбатов, хранятся также в Архиве военно-медицинского музея г. Санкт-Петербурга, документы войск НКВД, - в Российском государственном военном архиве г. Москвы) и в ряде других хранилищ.

К.И. Алексеев

научный сотрудник ИИЕТ РАН

Метафора в естественном языке и научной теории

После работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1] метафора начинает рассматриваться как принадлежность не только естественного языка (сферы слов), но и сферы мышления и действия. Согласно Дж. - Лакоффу и М. Джонсону, метафора структурирует наше восприятие, наше мышление и наши действия: например, метафора «Спор – это война» определяет наше восприятие человека, с которым мы спорим, как противника, результат спора – как победу или поражение, а наши действия в споре – как атаку позиций противника и защиту своих, с использованием определенной стратегии и тактики, и т. д. При использовании другой метафоры спора, например «Спор – это танец», наше восприятие и действия будут другими: участники спора будут восприниматься как партнеры, цель которых состоит не в достижении победы, а в гармоничном и красивом исполнении словесного «танца» (см. [2, с. 388–389]).

Предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном программа исследования метафор естественного языка в дальнейшем была распространена и на область языка науки (см. напр. [3; 4]). При этом, однако, упускалось из вида существенное отличие языка науки от естественного языка: в языке науки четко фиксирована целевая установка на выражение *научного знания*, которое может быть истинным или ложным. Такая целевая установка отсутствует в естественном языке: мы не оцениваем метафорические модели естественного языка

(например, приведенные выше метафоры войны или танца для спора) по параметру истинности/ложности – но просто обязаны это делать при рассмотрении метафор в научных теориях.

Значимость параметра истинности/ложности ярко проявляется при экспликации метафор естественного языка и их переносе в научную теорию. Рассмотрим, например, какие метафоры мы используем в естественном языке, когда говорим о самом языке – согласно М. Редди, мы делаем это с помощью следующей составной метафоры канала связи (*conduit metaphor*) [5]:

Идеи (или значения) – это объекты;

Слова – это вместилища;

Коммуникация – это передача (отправление).

Иными словами, говорящий помещает свои мысли и чувства в слова и отправляет их по каналу связи слушающему, который снова извлекает эти мысли и чувства из слов. Подчеркнем еще раз, что эти представления о языке и коммуникации сформулированы на основании анализа *естественного языка* и поэтому не являются ни истинными, ни ложными – однако они могут стать таковыми, будучи положенными в основу *научной теории* языка и коммуникации. В таком случае могут быть сформулированы примерно следующие исследовательские вопросы: каковы существенные черты психологического состояния говорящего, которые находят отражение в его речи? Каким образом для выражения разнообразных меняющихся субъективных состояний (впечатлений, мыслей, эмоций) человек использует язык, представляющий собой объективную и статическую сущность? Какие стороны речевого механизма являются первостепенно важными для говорящего, чтобы выразить эти состояния? Каковы условия, ограничивающие способность говорящего адекватно и полно вербализовать свои субъективные состояния? [6, с. 98].

В теории языка, основанной на подобных представлениях и ставящей такие исследовательские задачи, предполагается, что некоторые внутренние, субъективные, состояния человека представляют собой самостоятельную сущность и предшествуют их выражению в речи. Такая точка зрения в последние десятилетия подвергается критике со стороны теории социального конструкционизма, согласно которой подобные сущности не существуют до тех пор, пока они не сконструированы в речи, дискурсе (см. напр. [7]). Социально-конст-

рукционистские представления о языке могут быть описаны с помощью следующей метафоры: «Текст – это ruzzle». Подобно тому, как отдельные фрагменты ruzzle становятся значимыми только после того как картинка собрана, так и отдельные слова текста приобретают смысл только в контексте (языковом и внеязыковом).

Таким образом, решающее значение в анализе метафор языка науки приобретают стоящие за ними научные теории и модели, в которых выражается истинное или ложное знание об изучаемой реальности – в то время как при анализе метафор естественного языка объектом изучения является сам язык, а не то, о чем говорится с его помощью.

Литература

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago U.P., 1980.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
3. *Metaphors in the History of Psychology* / Ed. by D. Leary. Cambridge (Mass.): Cambridge U.P., 1994.
4. Fox Keller E. *Refiguring Life: Metaphors of Twentieth Century Biology*. N.Y.: Columbia U.P., 1995.
5. Reddy M. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. 2nd ed. Cambridge (Mass.): Cambridge U.P., 1993. P. 164–201.
6. Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И. Интеит-анализ политических текстов // *Психологический журнал*. 1998. Т. 19. № 4. С. 98–109.
7. Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitude and Behaviour*. L.: Sage, 1987.
8. Martin J., Harre R. *Metaphor in Science* // *Metaphor: Problems and Perspectives*. Brighton, 1982.

Р.В. Артеменко
аспирант ИИЕТ РАН

Проблемы работы с техническим текстом в качестве исторического источника

Любая историческая работа подразумевает использование того или иного рода источников знания по изучаемому предмету. Сложность историко-технической работы (особенно работы описывающей

развитие какой-либо области в XX веке) заключается в исключительно специфичной лексике инженерного сообщества и скоротечности её существования, определенной секретности на первоначальных этапах разработок и практически полной анонимности (если не сказать космополитичности) разработок, относящихся к позднему периоду XX века. Детальное описание конструкции, технологии изготовления и эксплуатации с исторической направленностью – достаточно редки в мировой практике. Еще реже инженеры и изобретатели оставляют текстовое сопровождение о генезисе идеи, положенной в основу работы их детищ. В этом сказываются, с одной стороны, степень неявного знания, а с другой – творческая сосредоточенность на разработке, а не на фиксации своих действий. Поэтому возникают легенды. Известны случаи публикации заведомо ложных данных в самых различных целях: экономических, политических и т. п. Не стоит забывать и про чисто технические пакладки – опечатки, ошибочные схемы, чертежи.

Тем не менее, чтение и критический анализ текста, являющиеся неотъемлемой частью работы историка как технических, так и естественных наук, помогают частично раскрывать закономерности развития изучаемых областей. Проблемам, которые возникают при изучении технического текста как исторического источника знаний, и возможным вариантам их решения, и посвящен доклад.

И.Е. Павлова

аспирант Института Российской истории РАН

«Прошлое на дне ...болот»

В 1958 году в АН СССР пришло письмо от западногерманского ученого, действительного члена Международного общества по изучению болот в Вадупе, доктора Альфреда Дика. Письмо необычного содержания.

Приведем это письмо полностью:

*Доктор Альфред Дик
(действительный член
Международного общества
по изучению болот
в Вадуце)
В АН СССР, Москва*

*Ганновер, 10 января 1958
Хельдесхаймер, 81*

Глубокоуважаемые господа!

С помощью Немецкого исследовательского общества я занимаюсь изучением проблемы болотных трупов.

Под болотными трупами наука понимает такие останки организмов, которые находят на дне болот. Степень сохранности тела зависит от физических факторов, при которых данное тело попало в болото, а также химических и физических влияний, которым оно там подвергалось; в одном случае сохранился скелет, а остальные части тела растворились, в другом наоборот, растворился скелет и сохранились другие части тела. Бывают случаи, когда все сохранилось: кожа, мясо, и кости. Может случиться, что труп полностью превратился в трупный воск. Находят так же голову или ногу с ботинком или без него, руки. Исследователям известно лишь около 70 болотных трупов. Мне удалось до настоящего времени проследить находку свыше 500 подобных ископаемых, почти во всех частях Европы.

Также болотные трупы являются особой группой среди ископаемых, возникшей не с помощью культуры, как предполагали до сих пор исследователи, а с помощью природы, можно ожидать, что также в болотах СССР были обнаружены подобные находки.

Первым указанием по этим вопросам мы обязаны одной старой нидерландской статье, в которой имеется пометка о том, что «в России, возможно, народ украшал болотные трупы как святых».

Я безуспешно пытался найти соответствующие данные в доступной мне литературе, в которой практикуются вопросы археологических находок в СССР. Мой друг по профессии профессор Отто К.К. из Берлина также не мог мне помочь в этом деле.

Поэтому я прошу Вас, оказать мне дружескую услугу и сообщить, были ли проведены по этим вопросам исследования, а именно, являлись ли так называемые «святые» в действительности болотными трупами и были ли где-либо найдены трупы в болотах. Затем я прошу сооб-

цить мне адрес коллеги, который занимается изучением находок из болот с культурно-исторической или антропологической точек зрения.

С глубоким уважением.

Доктор Альфред Дик (1)

Альфред Дик обратился к нашей Академии наук с просьбой.

Ознакомившись с данным письмом, заместитель начальника Иностранного отдела Г.И.Рогатнев 12 марта 1958 года обратился к Академику-секретарю Отделения исторических наук Е.М.Жукову за дальнейшими указаниями. (2)

Ученый секретарь Отделения исторических наук Ю.В.Бромлей 18 марта 1958 года направил письмо доктора Дика директору Института Истории Материальной Культуры Б.А.Рыбакову с просьбой «ответить по существу затронутого вопроса». (3)

28 марта ученым секретарем ИИМК АН СССР кандидатом исторических наук Н.Я.Мерпертом был подготовлен ответ доктору Дику:

Уважаемый господин Альфред Дик.

В ответ на Ваше письмо с запросом о случаях находок в СССР болотных трупов мы должны сообщить, что о таких случаях нам, к сожалению, не известно.

Ни при раскопках на торфяниках не было встречено сохранившихся в торфе трупов; не получали мы таких сведений и от торфопредприятий; неизвестно о таких случаях и судебной медицине.

Мы понимаем, что Вас, как явствует из Вашего письма, интересуют химические и физические влияния, которым подвергается труп в болотной почве. Но быть может вам не безынтересно будет знать, что в СССР при раскопках некоторых насыпанных из камней больших курганов в Сибири обнаруживают в погребениях под этим конденсатором влаги и холода в образовавшейся под ним вечной мерзлоте целиком сохранившиеся трупы людей и лошадей. Сохранилась так же целиком или частично сложная татуировка, иногда покрывающая все тело.

См: С.И.Руденко «Культура населения горного Алтая в скифское время» Изд. АН СССР М-Л. 1953 год.

С уважением

Уч.секр. ИИМК Н.Я.МЕРПЕРТ.

АН СССР к.и.н. (4)

Через Иностраннный отдел президиума АН СССР письмо было отослано Альфреду Дику. А через семь лет в свет вышла книга доктора Дика «Европейские находки болотных трупов (Находки гоминид в болотах)»(5).

В своей книге доктор Дик признавал всю значимость находок предметов и останков человеческого тела в минеральной почве. Но он также указывал на важность таких находок в болотах и заболоченных местах. В предисловии автор говорил о том, что «кислотность болот при исключительных обстоятельствах дает возможность консервировать предметы и тела»(6). Но доктора привлекали не столько поиски предметов, сколько трупов.

Еще до войны Альфред Дик вместе со своим отцом занимался этой проблемой, и когда труд уже был написан случилось непоправимое – как позже утверждал сам доктор «бомбы в Лейпциге и Берлине во время второй мировой войны уничтожили уже почти готовую работу»(7). И все же интерес к теме был слишком велик и профессор продолжил ее разрабатывать. К тому, что удалось спасти, он добавлял все новые и новые материалы еще много лет, и если в письме в АН СССР он говорил, что ему удалось проследить находки свыше 500 подобных ископаемых, то к 1965 году таких раскопок удалось сделать уже более 700. В книге приведен большой статистический обзор. Альфред Дик побывал почти во всех музеях Европы, располагающих подобным материалом. В своем труде профессор не ссылался на работу С.Руденко, скорее всего она ему не подошла. Но о подобных находках в Тобольске, на Онеге и Куре он упомянул.

Теперь о болотах, которые «раскрывают тайны» пишут много. То и дело сенсационные новости облетают газеты и журналы. Почему останки людей, предметы их охоты и рыболовства, накопники, стрелы, домашняя утварь оказываются в торфе уже понятно: во-первых, их может погребать нарастающий торф (в среднем 0,5-1,0 мм в год), во-вторых, попадая в трясину, они тонут. А хорошую сохранность можно объяснить так: пока торф нарастает вверх, в нем остается все меньше и меньше кислорода, окисление прекращается, а гниению, еще в верхних слоях препятствует сфагновый мох, имеющий бактерицидные свойства, гумидные кислоты и другие компоненты способствуют консервации органическо-

го вещества. И для нас подобные останки не делают прошлое далеким и чуждым, напротив, находясь «здесь и теперь» мы принимаем в нем участие.

Литература

1. Архив РАН. Ф. 457. Оп.1. Д.64. Л.17.
2. Там же. Л.15.
3. Там же. Л. 20.
4. Там же. Л. 24.
5. Alfred Dieck. Die europaischen Moorleichenfunde (Hominidenmoorfunde). Neumunster, Wachholtz, 1965.
6. Alfred Dieck. Die europaischen... b.3.
7. Там же. b. 3.

Н.И. Курто

студент химического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Поиск и анализ источников для исследования по теме: «История развития представлений о количественной связи между структурой органических соединений и их биологической активностью (70-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.)»

Медицинская химия, предметом которой является поиск и структурный дизайн физиологически активных веществ, выявление зависимости физиологической активности от химической структуры для создания веществ с заданными свойствами, совсем недавно оформилась как отдельная научная дисциплина. Объем информации о применении химических веществ в качестве лекарств огромен, так как он начал накапливаться с древнейших времен, поэтому рамки данного исследования были ограничены периодом с 70-х гг. XIX в. по 70-е гг. XX в.

В докладе проанализированы главные печатные труды, составляющие базу медицинской химии. Обзор выстроен в хронологическом порядке их опубликования. Мы предлагаем систематизировать эти работы следующим образом: 1. исследования зарубежных ученых начиная с 70-х гг. XIX в. по 50-е гг. XX в.; 2. работы 50-х XX в., осно-

ванные на уравнении Гаммета; 3. классические работы Hansch'a, Free и Wilson'a.

Первой работой, содержащей общую формулировку количественной зависимости биологической активности от химической структуры веществ, считается статья Crum-Brown'a и Fraser'a, опубликованная в 1869 году (Crum-Brown, A., and Fraser, T. R. *Trans. Roy. Soc. Edinburgh* 25, 151-203 (1869)). Наряду с описанием и анализом большого экспериментального материала она содержит также и методические подходы и выводы, послужившие базой исследований других ученых.

Следующей важной работой была статья французского ученого Richet (Richet, M. C., *Compt. Rend. Soc. Biol. (Paris)* 45, 775-776 (1893)), связывающая растворимость химических веществ с их токсичностью.

Дальнейшим этапом в развитии идей этих ученых стали труды Meyer'a и Overton'a (Meyer, H. *Arch. Exp. Path. Pharm.* 42, 109-118 (1899); Overton, E., *Studien über die Narkose*, Jena, 1901). Meyer и Overton независимо друг от друга наблюдали линейные зависимости между коэффициентом распределения веществ в системе масло – вода и наркотической активностью. Наиболее значительна книга Overton'a, в которой изложены результаты тестирования более 130 химических веществ для исследования токсичности.

Три статьи Zahradnik'a (Zahradnik, R., and Chvapil, M. *Experientia*. 16, 511-512 (1960); Zahradnik, R. *Arch. Int. Pharmacodyn. Ther.* 135, 311-329 (1962); Zahradnik, R. *Experientia*. 18, 534-536 (1962)), представляют наибольший интерес как по объему проанализированного в них материала, так и по обобщениям. Применение уравнения Гаммета к описанию биологической активности веществ приблизило изучение этих явлений к строгим подходам физической органической химии. При этом каждая работа Zahradnik'a, хотя и связана логически с другими его статьями, но тем не менее является целостным исследованием.

Необходимо отдельно упомянуть вклад российских ученых. Не менее важными, чем работы зарубежных ученых, являются фундаментальные исследования Н. В. Лазарева, которые намного опередили свое время. Главные его работы (Лазарев Н.В. Наркотики. Л., 1940; Лазарев Н.В. Неэлектролиты. Л., 1944) цитируются многими руководствами по токсикологии. При изучении этих книг можно просле-

дить историю развития научная мысль (в учении о наркотиках и наркозе). Не менее интересно наблюдать, как все эти данные приводятся в стройную систему. Кроме того автор объясняет причины неудачи ряда предшествующих работ.

В монографии «Неэлектролиты» учение Лазарева раскрывается в биолого-физико-химической систематике неэлектролитов, для построения которой Лазарев использует коэффициент распределения в системе масло – вода (Овертон-Мейеровский коэффициент). Глубина мысли, точность формулировок и значение полученных результатов дают возможность отнести труды Лазарева к лучшим научным произведениям по данной теме.

Из приведенного анализа можно понять основные этапы развития учения о зависимости биологической активности от структуры химических соединений.

**Программа заседаний Летней школы
«Источник в работе историка науки»
4 – 5 июня 2001 г.**

4 июня (в помещении ИИЕТ РАН, кабинет 3)
11.00 – 14.00

Мокрова М.В. «Устная история» и источниковедение истории науки
Лекай Л.Л. Географические представления коренных жителей северного побережья Тихого океана и их использование в формировании источников по истории изучения региона
Приглашенный доклад директора ИИЕТ РАН В.М.Орла
Дискуссия

15.00 – 18.00

Лабузнов А.В. Античные компиляции
Валькова О.А. «Предупреждения» в научно-популярных журналах II половины XVIII в. как исторический источник
Дмитриев А.Н. О некоторых специфических источниках по политической истории науки XX в.
Шibaев Д.А. Значение архивных источников в изучении истории центральных партийных органов СССР по управлению фундаментальной наукой
Дискуссия

5 июня (кабинет аспирантуры ул. Маросейка, 13)
11.00 – 14.00

Приглашенный доклад зам. директора ИИЕТ РАН А.В.Постникова
Большакова Н.В. Личный архив И.И. Ардабьевского
Романова О.С. Личный архив Э.Э.Анерта как источник по истории науки
Костина С.В. Из опыта архивного поиска для археографического издания (на примере рукописи 1942 г. «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны»)
Дискуссия

15.00 – 18.00

Алексеев К.И. Метафора в естественном языке и научной теории
Артемченко Р.В. Проблемы работы с техническим текстом в качестве исторического источника
Павлова И.Е. «Прошлое на дне ...болот»
Курто Н.И. Поиск и анализ источников для исследования по теме: «История развития представлений о количественной связи между структурой органических соединений и их биологической активностью (70-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.)»
Дискуссия